

Елизавета Трубникова

Странный город Luella

ПРОЛЕТАЯ НАД ПЛАНЕТАРИЕМ
КНИГА ВТОРАЯ

Елизавета Трубникова

**Странный город Luella. Пролетая
над планетарием. Книга вторая**

«Издательские решения»

Трубникова Е.

Странный город Luella. Пролетая над планетарием. Книга вторая /
Е. Трубникова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500432-1

«Странный город Luella» — продолжение истории о любви, способной вывести душу за пределы страха и ограничений. Любовь спасает от всего. Даже когда душа обманута. Придётся потерять память. И оказаться в странном и страшном городе. Поиск себя и своего места в мире, остроумная сатира на современную реальность, параллельные миры, метафизическое путешествие в Великий Зеркальный Коридор Души и разговор человека с Богом — всё это ждёт читателя в фантастическом мире странного города Luella.

ISBN 978-5-00-500432-1

© Трубникова Е.
© Издательские решения

Содержание

ВСПОМНИТЕ ПРО ТРИ ПУНКТА	6
И ТОГДА ОН ЗАГОВОРИЛ	9
НЕИЗВЕСТНОСТЬ	12
ВОКЗАЛ	17
ВОРОНКА ПРОДАЖ	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Странный город Luella Пролетая над планетарием. Книга вторая

Елизавета Трубникова

Посвящается нашему другу – Инессе Шевченко.

Иллюстратор Павел Морозов

© Елизавета Трубникова, 2019

© Павел Морозов, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-0050-0432-1 (т. 2)

ISBN 978-5-0050-0433-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВСПОМНИТЕ ПРО ТРИ ПУНКТА

Очнулась в психиатрической клинике.

– Нет никаких замков. Яхт. Нет зеркалоидов. Мы это усвоили? – Доктор смотрел большими равнодушными глазами. Синими и холодными. – Усвоили?

– Да... да. – Согласно и часто закивала головой.

– Вот и ладненько. Сейчас можно на прогулку. Мы готовы к прогулке?

– Да. – Снова закивала, как дурацкая собачка в салоне машины. Для верности впечатления расслабила совсем лицо и сложила губы в линию безнадёжности, как у стариков.

– Тогда пошли.

Доктор, казалось, повеселел. Но только с виду. Он ненавидел всех. Пациентов. Коллег. Деревья во дворе. Всех абсолютно. Свою дьявольскую работу тоже. Дома у него имелось сильное снотворное. Этого бы вполне хватило, если бы не трусость.

Маленькое путешествие по саду психиатрической клиники было для меня первым. Доктор прохаживался рядом. Для контроля. Вышагивал, изображая сочувствие.

– Как мы находим погоду?

– Никак.

С удовольствием отметил эффективность лечения. Препараты, назначенные, как он рассудил, вовремя, могли запросто сделать овощем любого здорового дядьку с завода. Что говорить о тонких натурах вроде меня, каких бродило вокруг нас по саду несколько десятков.

– Будем сегодня смиренно себя вести? – Произносил он все эти фразы приторным и каким-то неестественным голосом. Отчего становился всё более противным. Даже омерзительным.

– Да... да. – Снова закивала головой. Чаше, чем автомобильная собачка.

– Зайду к нам вечером. Посмотрю на наше состояние. Мирная беседа на ночь глядя будет кстати.

– Отсюда кто-нибудь выходит? – Старалась говорить как можно безучастнее.

– Никто здесь этого не скажет. А нам оно и знать незачем. Нам главное лекарства принять вовремя. Выспаться как следует. Одним днём живём. И тем радуемся.

От его мудростей тошнило. Мимо бродили не то люди, не то призраки. Сухие виноградные ветви тянулись на дно старого заброшенного бассейна, словно пытаясь задушить его.

– Жалобы есть у нас? Волнения?

– Нет... нет.

– Вот и ладненько.

Прогулка предстояла длинная. Впереди был первый ужасный вечер в этом враждебном месте.

За окном темнело. Я не спала. Смотрела на унылый пейзаж. Одинокая ворона сидела на высоком тополе напротив. Казалось, её тоже пичкали лекарствами. Такая она была невнятная и странно смирная.

– Вот и мы проснулись. Как наши дела?

Доктор преувеличенно бодрым шагом пересёк палату. Кроме меня здесь никого не было. Соседняя кровать пустовала. К чему этот неумелый спектакль? Может он и вправду считал меня чокнутой.

– Таблетки будем принимать?

– Вы?

– Что я?

– Вы будете таблетки принимать?

– А-а-а. – Он расплылся в довольной и жуткой улыбке. – Когда я говорю «мы», это я говорю о «нас». – Погладил меня по голове, словно перед ним был пятилетний несмышлёныш. Прикосновение оказалось на удивление приятным и успокаивающим.

– Нет.

– Что нет? Что это ещё за нет?

– Не можете.

– Нам не плохо? Не волнуемся? Ну-ка, что у нас с пульсом?

Он не успел взять меня за руку.

– Не можете принять эти две несчастные пачки снотворного.

– Какого снотворного?

– В её тумбочке.

Доктор побледнел. Тихо и плотно закрыл дверь. Сел на соседнюю кровать, сверля меня настороженным и испуганным взглядом. Я продолжила.

– Не можете набраться духу, чтобы протянуть руку через пустующую половину кровати. К её тумбочке. Откуда раньше на вас смотрела она. Единственная кто мог облегчить боль.

В глазах доктора один за другим пролетели вопросы. Затем предположения. Осознание поразило его до глубины души. Он мог только догадываться, кто перед ним. Мог бы кинуться прочь из этого кабинета. Заглушить голос неведомого таблетками и больше никогда не заговаривать со мной о погоде. Но он не сделал ничего. Вместо этого, он с видимым усилием собрал всю волю и прямо взглянул мне в глаза.

– Так что же мне делать?

– Знать, что вы ещё увидите её.

– Но кто вы?

– Этого я не знаю.

– Мда...

Мы оба стихли. Доктор посмотрел в окно. Там уже нечего было разглядывать. Только поникшее лицо в отражении и собственные, навсегда сбитые с толку, мысли. Немного погодя он протянул мою карту.

– Сожгите её потом. Никто не вспомнит, что вы были здесь. Кроме меня никто не знает, кто вы и откуда. Впрочем я и сам ничего не знаю. Только то, что нашёл вас прошлой ночью у ворот. Ну и то, о чём вы сами рассказали.

Доктор был немногим выше среднего роста. Видный мужчина. Заметно высохший от горя. Синие глаза отдавали холодом. Левый глаз поблёскивал моноклем. Не тонкие губы. Прямой нос. Тёмно-русые волосы зачёсаны назад. Волевое, суровое, гладко-выбритое лицо, с ярко-выраженным подбородком. Пронзительный взгляд. Он умел читать в душах. Но тут этого не требовалось. А важно было просто вовремя дать лекарство. Да и чужие души его давно уже не интересовали. Кроме той непостижимой, в которую он случайно заглянул только что.

– Простите меня... ради Бога, простите! Я – безумец. Слепец. Как и все мы – слепы к чудесному. Видим одну только серость.

– Вам не за что извиняться. Я... рада нашему знакомству. – Это была правда.

– Да! – Глаза доктора вдруг ожили и лихорадочно заблестели. Он заговорил так быстро, словно боялся, что не успеет договорить до конца. – Вы всё твердили про три пункта. Я сразу понял – это важно для вас. Вспомните про три пункта!

– Три пункта? Не припоминаю... – Задумалась.

Доктор оставил меня одну. Даже не заметила как он вышел. И как вошёл обратно.

– Уверен, вы вспомните. Вот... – Он написал что-то на листке и протянул мне. – Когда выйдете отсюда, сядете в такси. В пакете кое-что из одежды. Деньги. И телефон. Это что в моих силах. Документов у вас с собой не было. Не знаю, чем ещё сейчас помочь. Но здесь оставаться нельзя. Это хуже некуда.

– Спасибо вам, доктор.

– Если бы я только мог сделать хоть что-то ещё! Но это всё. Я дам знать, когда выходить. – Он подошёл к двери. Замешкался. Помялся немного на пороге, но всё же набрался духу и спросил. – Вы знаете так много... могу я просить об одолжении?

– Я скажу ей. Вашей умершей жене. Она даст знак. Вы в ту же секунду почувствуете, что это она. Сомнений не возникнет.

Наверно, сердце у него почти оборвалось. Потому что, как мне показалось, доктор придерживал его рукой. Неслышно закрывая за собой дверь.

«Вспомните про три пункта» – тревожным вихрем закрутилось в моей голове.

Ещё долго смотрела в окно. Пока не выплакала все глаза. И потом ещё долго смотрела в окно такси. Неизвестно почему, но сердце было переполнено любовью и болью. Одновременно.

Вот так я ехала, ночью, в такси, разрезая фарами темноту. Храня во мраке потерянной памяти три пункта. От которых было больно. Но в которых была запечатана призрачная надежда на спасение.

И ТОГДА ОН ЗАГОВОРИЛ

Следы мгновенно исчезали на мокром асфальте. Как и я они вроде бы были. Но в то же время и не было их.

Небо хмурилось. Мне это нравилось. В городе распустилась буйная майская зелень. Моросил мелкий дождь. Пахло цветами. Это успокаивало.

Так легче было принять то, что есть. Смириться с тем, что я ничего о себе не знаю. Беспокойство растворяла красота улиц, дышавших свежестью.

Странное было во всём. А особенно в чувствах. Рядом ощущалось нечто, чему объяснений не находилось. Что-то могущественное словно поднимало над горечью. Питало силы. Давало надежду. Будто внутри самого этого чувства я, неожиданно для себя, нашла приют. Незримую опору. У меня не было дома. Но была душа. Это больше чем крыша над головой.

Денег оказалось достаточно для того, чтобы отпустить ненадолго тревоги и наладить жизнь. Это «ненадолго» мне понравилось. Похоже и сама я была странной.

Купила кое-что из одежды. Пообедала в кафе. И, прихлёбывая горячий кофе, задумалась о квартире. Которую можно было бы снять без документов.

В пакете доктора обнаружила кольцо. Конечно, оно было моим. Сразу пришлось в пору. Красивое. Чёрный зеркальный прямоугольный камень в серебряной оправе.

Ещё там был айфон, принадлежавший доктору. А может его умершей жене. Как знать. Вспомнила его холодный взгляд. Тёплое прикосновение. Захотелось увидеться снова.

Положила кольцо на стол. Что за камень такой.

– Обсидиан.

– Вы мне? – Официант смотрел именно на меня.

– Да. Я о камне. В кольце у вас, мне кажется, обсидиан.

– Не знаю.

– Знаете.

Стало страшно. Так, что я буквально почувствовала, как где-то на затылке шевельнулись волосы. В грудь ударило холодом. Однако виду не подала. Отхлебнула ещё кофе и жестом пригласила официанта за столик. Он сел.

– Готова вас выслушать.

– Это хорошо. – Только сейчас заметила, что от этого человека исходило удивительное спокойствие. Где-то я его уже видела. Определённо.

– Вы тоже спокойны сейчас, не так ли? – Он сдержанно, но вполне дружелюбно улыбнулся.

Действительно, страх тотчас же отступил. На смену ему пришло полное расслабление.

– А вам разве можно присаживаться за столики гостей?

– Нам многое здесь возможно. А вот квартира нужна особенная – подходящая.

– С чего вы взяли, что мне нужна квартира?

– Но вы ведь ищите?

– Ищу. Только вы здесь при чём, не понимаю?

– Вам и не надо понимать всего.

– Знаете что? Мне наш разговор совсем не нравится. Вы говорите загадками, а я этого не люблю.

– Вечное слово Бога – вот загадка! Я же изъясняюсь просто и понятно. Но мои слова мало что стоят. Куда важнее камень в вашем кольце.

– Кто вы такой?

– Тот кто случается. В нужное время. В нужном месте.

– Всё понятно. Только слишком уж подозрительно. Да и честно вам скажу – мне не по себе.

– Да. Это точно вы сказали. Вам не по себе. Но это ещё что! Вы уж поверьте...

Вдруг мира словно не стало. Кафе исчезло. Вокруг стусилась тьма. Ни рук, ни ног – ничего не видно. Настолько, что я поставила под сомнение собственное существование. Ни звука. Страх сковал мертвенным холодом. Ощущала только, что повисла. В самом центре темноты. Здесь был кто-то кроме меня. Ещё мгновение и я сойду с ума.

И тогда он заговорил.

«Не бойся. Слушай моё слово. Живое. Им творится всё, что видимо. Чего нельзя увидеть. Иди в глубину Великого Зеркального Коридора. Пропади в нём. Там найдешь откровение. Там узришь непроизносимое. Нет другого времени и места другого нет для спасения. Там откроется тебе. Узнаешь истину от сотворения. Но ещё не ведало сердце человеческое ужаса, какой перед тобой явится. Только с крепкой верою – пройдёшь. Как со светильником посреди тьмы – устоишь. Иди же смело. Сам помогу. Сам буду рядом. В самый тёмный час. Помни же это! Каждую секунду».

Раздался ужасный грохот. Будто началось землетрясение. Словно после ослепления, пятнами возвращалась реальность. Кусочки кафе проявлялись, как на фотобумаге в темноте ванной, где папа колдовал когда-то в нашей домашней фотолаборатории. Папа? Вспомнила своего отца?! Но воспоминание тотчас же ускользнуло, растаяв в тумане неведения.

– Вам лучше? – Официант делал отчаянные попытки привести меня в чувство.

– Немного. Не волнуйтесь.

– Принести вам воды? Может чаю?

– Нет, ничего не надо. Наверно... переутомление.

Тот же самый официант смотрел на меня теперь уже испуганными глазами. Он был взволнован. Растерян. И явно не так всеведущ, как до этого.

– О чём мы говорили с вами, когда я... когда мне стало плохо?

– Странно. Совершенно выпало из памяти. Наверно, это важно. Попробую вспомнить.

– Не надо. Просто спросила. Забудьте.

– Но вдруг это важно?

– Вряд ли.

Расплатилась по счёту и уже собиралась уходить.

– Постойте! Вспомнил!

– Да? – Сердце ёкнуло.

Официант сбавил тон. Продолжил тихо и суетливо. Что никак не вязалось ни с его крупной фигурой, ни с голосом, ни с внешностью. Он напоминал монгольского воина. Однако всё это просто было частью моего больного воображения и вероятного сумасшествия.

– Кажется, вы искали квартиру. Документы потеряли. Сразу не стал об этом. Неудобно как-то. Вам худо, а я тут с этой квартирой.

– Ничего-ничего, продолжайте. – Снова сдавило грудь.

– Знакомые недавно перебрались в другой город. По работе пришлось. Ищут спокойного порядочного квартиранта. Квартира у них отличная – вам понравится. За деньгами буду приходить я. Раз в месяц. Вещей как я понял, у вас немного. Заплатить, вы сказали, можете за два месяца вперёд. Верно?

Я отлично знала, что ни словом не обмолвилась про отсутствие документов. Про квартиру и деньги тоже. Наверно, у меня затряслись губы от страха и волнения. И заметно дёрнулось лицо.

– Да. Смогу. Наверное. – Я и близко не знала, сколько у меня осталось. Да и то, не моих вовсе денег.

– Человек вы хороший – сразу видно. Хороших людей мало в нашем городе. Вам там будет в самый раз. Да и мне немного заплатят за эту маленькую услугу. Деньги нужны очень.

– Понимаю.

– Чудно. Так вы согласны?

– Да. – Можно подумать, у меня был выбор.

– Отлично! Но без договора. Вы же без документов. Получается, на доверии.

– Ключи от квартиры у вас с собой?

– Разумеется. Сейчас напишу адрес и отдам ключи. Вторые будут у меня. Но я только раз в месяц – за деньгами. Беспокоить не буду, не волнуйтесь.

– Кстати, а какое сегодня число?

– Не знаю. Число как число. Надо думать, подходящее.

– Для чего?

– Для всего. Оно уже всё равно задумано. И не произойти не может. – Он даже не взглянул на меня, выдавая эту фразу так дежурно, так буднично, словно бы мы об обновлении их меню говорили.

– Странно как-то.

– Здесь всё странно. Не удивляйтесь ничему. Адрес вы уже знаете. Ноги сами приведут вас в нужное место.

– Это как?

– А вот так. Запросто.

Вложил в мою ладонь одни только холодные ключи. Никаких записок. Глаза у него при этом засветились самым буквальным образом. Они излучали тепло и голубоватое свечение.

Под гипнозом забрала ключи. Конечно, никаких денег он у меня не взял. Ватными ногами, которые и правда знали дорогу, зашагала по вечерней улице. В незнакомый дом. От чего стало грустно и зябко.

Но ведь не одна же я в целом свете. Попробовала вызвать в памяти образ отца, проявляющего фотографии в ванной. Но ничего. Пустота. Во рту сразу же пересохло. Прибавила шаг.

Надежды не осталось. Было бесприютно в этом чужом мире, где из окон доносились вкусные запахи и вечернее бормотание. Я же шла одна. В темноту и неизвестность.

Почти сдалась отчаянию, как вдруг тепло коснулось меня так близко, что пришлось оглянуться, нет ли кого за спиной. Никого не было рядом. А всё же кто-то был. Тепло накатило с новой силой. Страх начал отступать. Застыла, поражённая этим откровением.

Немного успокоившись, зашагала в сторону дома. Ногами, которым адреса на записках были не нужны.

НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Нет ничего хуже неизвестности. А особенно когда тоскливо. И я решила позвонить доктору.

– Здравствуйте, это я.

– А это я.

Странный он был, этот доктор.

– Как вы? – Голос абсолютно равнодушный. Наверно, жалеет, что связался со мной.

– Да что-то не очень. Совсем не очень. Честно говоря, мне страшно одной. Даже жутко.

– Угу. Понятно.

– Я говорю – мне плохо!

– Да. Плохо. Мда... Давайте вот что сделаем. Как поступим. Я к вам приду.

– А когда? Когда вы придёте?

– Нет. Наверно, не приду. Сегодня не могу. Нет, всё-таки приду. Сейчас же приду. –

Странный доктор. В странном городе. Но всё равно хотелось увидеть его. Больше было некого. Я по-прежнему ничего о себе не помнила. И была на грани истерики.

– Запишите адрес? Если, конечно, ваши ноги уже не знают его.

– При чём тут мои ноги?

– Да это я так. Просто. Так вы пишете?

– Да-да. Сейчас, только ручку найду... Чёрт, как назло... – Послышалась возня. – Говорите, пишу.

Продиктовала адрес. Записала его сразу же, как только подошла к дому. И тут же подумала – может зря продиктовала? А вдруг он выпался, очухался и решил упрятать меня обратно?

– Тогда через час. Ладненько? – Меня мутило, когда он произносил «ладненько».

– Хорошо.

– До скорого.

– До встречи.

Да что это я? Накрутила подозрений. На человека. Он же вытащил меня. Мало ли какие дурацкие слова он произносит. Придётся довериться. Ничего другого всё равно не остаётся. «И не произойти не может» – всплыли вдруг слова «официанта».

Ждала доктора. Он словно стоял рядом. Мы вместе молчали. Глядя в окно. Как две сироты. Два забытых призрака. Представилась его тень рядом с моей. Ностальгия подкатила к сердцу. От неё становилось горько и приятно. Одновременно. С примесью мутной тоски. Она так и сочилась, циркулируя вместо крови в моём, позабывшем прошлое, сердце.

Смотрела в окно. В стекло били крупные дождевые капли. Деревья медленно танцевали. Из стороны в сторону. Сильный ветер гнал облака. Со второго этажа квартиры было видно как по улице, словно большие шашки, перемещались разноцветные зонты. Разных размеров. Цветов.

Я напоминала себе одну из этих шашек. Может даже лучше, если бы я была обыкновенным зонтом. Какие душевные терзания могут быть у зонта? Его место очевидно. Роль проста и понятна. Временное, но такое необходимое прибежище для хозяина в дождливый день, на мокрой улице. С неба льётся вода и зонт на время, из неприметного предмета, пылящегося в чьей-нибудь прихожей, превращается в нечто, имеющее решающее значение. Пусть совсем ненадолго, но он обретает свою собственную значимость.

Я же была неприкаянной. Мне не было места ни там, ни тут. Неизвестно было, где я пылилась до недавних событий. Да и здесь, нахождение моё никому не приносило пользы. Ни мне самой. Ни этому дождливому равнодушному городу. Единственной зацепкой был доктор. Он казался таким же потерянным как и я. Вот почему он притягивал меня. Мы были похожи. В этом тягостном забвении.

Там откуда я пришла, места мне тоже не нашлось. Даже самой простой роли не выпало. Или она осталась несыгранной. Почему, неизвестно. Ядовитая горечь заполняла сердце. Оно чем-то было отравлено. Может от того, что мне всегда было ясно, я – нечто большее, чем зонт в чьей-нибудь прихожей. Может от этих и других подобных размышлений, внутри крепло понимание, что я способна на что-то большее. Но так и не найдя подходящей возможности, не расправив толком крылья, рухнула на порог психиатрической клиники. К ногам доктора. Только он мог помочь. Самой мне было не под силу разобраться что к чему.

Окна были панорамными. Большими. Во всю стену. Это делало здание вокзала напротив, с непривычным круглым куполом, ещё более величественным и таинственным. Почему-то оно гипнотизировало меня. Но ворошить память было бесполезно. Во всяком случае, до прихода доктора.

В какой-то момент послышался лай собак. Совсем рядом. Это было и вовсе удивительно. Потому что во всём подъезде, кроме меня и соседей по этажу, больше никто не жил. Квартиры пустовали, хозяева навевались редко. Тем лучше. Меньше вопросов. Но точно ни у кого не было собак.

Это я знала, потому что пожилая пара из квартиры напротив, сразу же внесла ясность. Утром соседка, Любовь Дмитриевна, принесла творожник к чаю. Это было мило. Потому что именно тепла, простого человеческого тепла так не хватало. Любовь Дмитриевна упорствовала, называя меня Стешей и я не стала сопротивляться. Похоже у старушки были свои навязчивые идеи. Это было даже удобно. Стеша, так Стеша. Она также пожаловалась, что очень уж неуютно, когда совсем без соседей. А тут, наконец-то, интеллигентная девочка. Почему-то она решила, что я – студентка. Хотя студенткой я себя точно не ощущала. У меня несомненно был жизненный опыт.

Однако собачий лай послышался снова. Странно. Открыла одно из окон. Но там ничего близкого к собачьему лаю. Только разноцветные шашки зонтов и стук дождя. Закрыла. Снова, словно приглушённый немного, но точно – собачий лай! Вроде две собаки. Или три? Нет. Две. Да. Грубый лай и второй, более писклявый, на верхних нотах. Наверное, большая и маленькая. Мда. Лишь бы не галлюцинации. Мало ли. Но не дай бог, конечно.

Сидела на полу, смотрела на дождь. Странный какой-то вокзал. То, что всё было странно – больше не удивляло. Будто бы целый год прошёл с тех пор, как я здесь.

Раздумья прервал звонок. Доктор приехал.

– Вы, ей-Богу, странная! – Доктор зло смотрел на меня, стоя в прихожей. Он был мрачнее своего чёрного зонта.

– Это я – странная?!

– Да! Вы – странная. И это ещё мягко сказано! Звоните как ни в чём ни бывало. Посреди дня. Меня ведь могут уволить! Вся моя жизнь может быть уничтожена! Из-за очередной психопатки! Вы это понимаете?

Всё во мне заклокотало. И я ударила его по лицу.

– Да вы уже давно – мертвец! Так что терять вам нечего. И, к тому же, свинья!

Он сжал моё горло так быстро, что я не успела пискнуть. Две-три минуты и мои мучения закончились бы навсегда. Но он отпустил меня. И в изнеможении рухнул на пол.

Попятилась на кухню. Нашупала большой кухонный нож. Схватила его трясущимися руками. И выскочила в коридор. В ужасе закричала.

– Не подходите! Слышите! Иначе я убью вас. Я ведь сумасшедшая, помните? И я на всё готова! Мне терять нечего.

Он мигом оказался на ногах. Приблизился. И уже направлял нож, который по-прежнему был в моих дрожащих руках, к себе в живот.

– Убейте. Я настаиваю – убейте! И выбросьте тело из окна. На тротуар. Всё равно никто не заметит. А потом и сама – бросьтесь вниз. Лучше умереть, чем жить в этом аду! – Произнесла страшные слова, он отпустил меня.

Отнесла нож на кухню. Едва перебирая ногами. Доктор снял мокрый плащ и подошёл к окну. Происшедшее оказалось настолько неожиданным и невероятным, что мне захотелось жить снова. С чистого листа. Пусть даже я ничего не помнила. И не знала. Ни о себе. Ни об этом человеке.

Мы погрузились в молчание. Было жутко неудобно.

– Вы говорили, у вас есть какая-то идея.

– Да. Есть. Только не знаю, как вы к этому отнесётесь. Хочу ввести вас в состояние гипноза. Чтобы вы вспомнили хоть что-нибудь. – Он повернулся с будничным выражением лица. И зашагал туда-сюда по комнате.

– А вы это умеете?

– Конечно. Я же психиатр.

– Я смогу себя контролировать?

– Контролировать вас буду я.

– Не знаю даже.

– Боитесь?

– Да, немного. Я ведь не знаю, кто я и чего от меня ожидать.

– И также не знаете кто я. И чего ожидать от незнакомого психиатра. Который к тому же агрессивен. Но я гарантирую полную безопасность. И хотя только что представлял угрозу, умоляю позволить мне исправиться. И помочь вам. Если это будет в моих силах. Словом, простите. И разрешите помочь.

– Я согласна. На гипноз. – Неосторожная бравада могла выйти очень кривым боком. Но решила рискнуть. Это был шанс.

– Хорошо. Тогда – ложитесь поудобнее. Начнём прямо сейчас.

Легла на кровать, закрыла глаза. Доктор сел в кресло, рядом.

– Расслабьтесь. – Я не видела его. Это пугало. – Не волнуйтесь. Надо отрешиться от внешних впечатлений. От мира. Расслабьтесь.

Он включил диктофон на запись.

Было страшно. Потому что меня ждала неизвестность. И мне ужасно нравился этот мало-знакомый человек.

– Где вы?

– На вокзале.

– Что вы там делаете?

– Ожидая.

– Вы в зале ожидания?

– Да.

– Чего вы ожидаете?

– Погружения.

– Куда?

– В океан.

- В какой из океанов?
- Запредельный.
- Это название?
- Нет. У него нет названия.
- Кто ещё рядом с вами?
- Никого.
- Погружаетесь одна?
- Нет. Он идёт!
- К вам?
- Да.
- Кто это?
- Это доктор.
- Доктор какой?
- Из клиники. Психиатр. Боюсь, ему уже помешали.
- Кто?
- Нечто несогласное. Со мной. С ним.
- Это нечто – человек?
- Нет.
- Почему оно не хочет, чтобы доктор пришёл?
- Оно хочет, чтобы он продолжал горевать. Чтобы никто не узнал главного.
- А что – главное?
- Что свободу отнять нельзя. Что душа – бессмертна. Что смерти нет. Что человек не одинок. Что Бог есть даже в аду.
- А как это связано с доктором?
- Он может открыть это всем и сразу. Он знает шифр.
- Он – особенный человек?
- Это тайна. Она принадлежит океану. Как и я.
- Где этот океан?
- Повсюду.
- Вы... человек? Как вас зовут?
- Меня зовут Юлия. Я вижу доктора! Он идёт ко мне.
- Почему вы плачете?
- Потому что его сердце – в темноте. Он пришёл предать меня.
- Что происходит? Что он делает?
- Ничего не вижу. Мне плохо. Мне очень плохо. Отпустите меня!
- Я возвращаю вас обратно. Три – вы дышите спокойно. Два – вы ощущаете тепло в руках и ногах. Один – вы просыпаетесь.
- Открыла глаза. Ничего. В голове – пусто. Ясно. И по-прежнему никаких воспоминаний.
- Ну что? Я что-нибудь вспомнила?
- Да. Вас зовут Юлия.
- Надо же. Словно о ком-то другом говорим. Что ещё?
- Всё это очень странно. – Он был задумчив.
- Так что там?
- Доктор включил запись. Мы прослушали несколько раз. Я была в растерянности. Доктор тоже.
- Вы меня раньше никогда не видели?
- Нет. Вас я бы точно запомнил.
- Я тоже вас совсем не помню.
- Неудивительно. Вы ничего не помните.

– Может прогуляемся? До вокзала?

– Серьёзно? – Океан. Именно океаном были его глаза.

– Конечно. – Пыталась скрыть волнение. Но не получалось.

– Хорошо... Юлия.

Снова его взгляд – слишком пронзительный.

– Юлия, вы меня не боитесь? Я пойму, если вы не захотите больше встречаться. Не знаю в чём тут дело. Что думать.

– Я вам доверяю. Мне больше всё равно некому. – Не хватало ещё, чтобы он исчез. Только не сейчас. Мне только начинало здесь нравиться.

– Ну что же... Надеюсь, это правильное решение.

– Правильное. Я так чувствую.

Он посмотрел на меня. С теплотой. Лицо больше не было суровым. Что-то знакомое сквозило в чертах. Как будто я всегда знала этого странного человека.

Чёрт, я пропала.

На вокзал шли не спеша. Да и зачем спешить, когда впереди – неизвестность.

ВОКЗАЛ

Вокзал утонул в тумане. Люди сновали туда-сюда. Кому-то нужно было уезжать. Кто-то должен был возвратиться. Здесь был целый свой мир. Этот мир был несомненно знаком. Я только не понимала откуда. Что именно связывало меня с этим исполинским зданием. Вовсе не похожим на вокзал. В нём как будто застыла вечность.

– Юля, вы что-то сказали?

– Нет. Только подумала. А вы услышали?

– Послышалось, наверно. – Доктор вдруг остановился и теперь с тревогой вглядывался в моё лицо. Я верила, что он не желает зла. Но сам он явно в этом сомневался. – Я как будто не знаю себя. Теперь. Понимаете?

– Да.

– Не прощу себе, если с вами что-то случится. Да. Да-да. Это страшнее всего.

– Мне почему-то кажется, что нам с вами нечего бояться.

– А мне так не кажется! Не кажется! – Доктор неожиданно взорвался.

– Послушайте. Сейчас нужно принять происходящее. Может вы и причинили мне зло. Которого я не помню. Но вы также причинили и добро. Которое я запомню навсегда. Это главное. Мы не знаем, что с нами произошло и почему. Единственное, что мы можем, что действительно в нашей власти – это выбрать движение. Идти дальше этой дорогой. Её не видно всю. И это не может не пугать. Но надо довериться и идти. Я так чувствую. Вы понимаете?

– Да. – Доктор немного сник. – Конечно. Конечно.

– Пойдёмте?

– Да-да. Пойдёмте.

Подшли к главному входу. Грозовые тучи сгустились над мокрым тёмно-зелёным пластинчатым куполом. Зрелище было впечатляющим.

Я обернулась. Захотелось найти окна своего нового дома. Нашла. Чуть не вскрикнула. В квартире горел свет. Было видно двоих людей. И двух собак. Маленькую и большую. Та, что была больше, застыла, как вкопанная, у окна. Она смотрела на меня. Затем встрепелась. Туловище сотрясало от лая. Лаяла мне. Да, именно мне. Хотела сообщить, что видит меня. Махнула ей рукой. Она тут же кинулась с лаем к своим хозяевам. Их было двое – я и какой-то мужчина.

Я, которая была там, в квартире, подошла к окну. Посмотрела на здание вокзала. Ничего особенного не увидев, возвратилась к мужчине. Собака продолжала неслышно лаять мне, стоящей здесь, по ту сторону стекла.

Затем всё закружилось. И рухнуло в темноту.

Доктор склонился надо мной. Вид у него был встревоженный. Сама я полулежала в одном из кресел. Потолок был высоким. Под куполом летало эхо множества голосов. Вокруг сновали люди. Никто не обращал на нас внимания. Словно мы были невидимками.

– Это зал ожидания? – Слабо улыбнулась доктору.

– Да.

– Он какой-то другой, вы заметили?

– Заметил. Как мы себя чувствуем?

– Лучше. – Насторожилась. Почему он снова говорит «мы»?

– Что случилось? Что мы там увидели?

– Ничего особенного.

– Но что-то ведь мы увидели, в той стороне? Расскажем, ладненько?

Доктор уже не был тем человеком, который пришёл сегодня ко мне. Это был кто-то совсем другой. Кто угодно, но не доктор. Может этот другой и не знал ничего о гипнозе. А может и знал.

– Я расскажу потом, хорошо? Надо немного отойти.

Он сощурил глаза. Во взгляде промелькнуло презрение. И злоба.

– Ладненько.

– Вы не принесёте мне воды? Или чаю?

– Конечно же принесу.

Чужак направился в сторону кафетерия, который располагался поблизости. Я совершенно не знала, что предпринять. На побег не было сил. Остаться с доктором, вернее с тем, кто вместо него, было опасно. Неужели он – предатель? Не хотелось в это верить. Не верилось.

Откинулась в кресле. Посмотрела наверх. Так вышло, что я оказалась в самом сердце зала ожидания. Посмотрела в центр купола. Вдруг, к моему полному изумлению, он начал вращаться.

Центр купола медленно спускался вниз, раскручивая вокруг себя огромное чёрное торнадо. Звуки смолкли. Люди проходили как бы сквозь меня. А я не в силах была оторвать взгляда от этого пугающего зрелища. Словно парализованная. Не замечая. Ни себя саму, ни чудовищного вращательного движения. Как под гипнозом, вперила взгляд в зловещую воронку. Она спускалась всё ниже, прямо ко мне. Вселяя ужас дыханием чего-то нездешнего. Огромного и живого.

Страх парализовал. Закрывать глаза не получалось. Тело застыло в напряжении. Когда внезапно, в голове возникла отчётливая мысль – «не сопротивляйся». Чем страшнее становилось, чем отчаяннее моя человеческая природа пыталась воспротивиться, тем чётче являлась мне эта мысль – «не сопротивляйся».

Воронка дышала прямо надо мной. Меня влекло внутрь. В солнечном сплетении ощущалось сильное жжение. Это был кошмар наяву. «Не сопротивляйся» – внутри меня грянул глас. Перетряхнув все кости, все мышцы, все представления о мире. Я подчинилась.

И тотчас же поплыла внутрь воронки. Ощущая как тащит вверх нечто, управляющее моим телом. Это было даже приятно. Перестало тащить и я повисла в позе «мостика». Которую сто раз делала в детстве. Откуда-то возникло воспоминание. И сразу же исчезло. Меня закручивало по часовой стрелке. Воронка завращалась в обратном направлении. Скорость стремительно нарастала. Вихрь извивался всё сильнее. Пока это не перешло все разумные пределы человеческого понимания. Меня словно сжало в одну маленькую точку. В глубине воронки, высоко надо мной, брызнул свет. Словно гигантский червь мигом сглотнул меня. Горящей пылинкой я мчалась. Неслась сквозь время и пространство. К свету. Который влёк к себе. И с этим влечением ничего нельзя было поделать.

Проснулась непривычно рано. Ещё не было шести утра. Страшно не хотелось идти на работу. Почему-то снова подступала паника. И тревога.

Кинулась в ванну – лить холодную воду на запястья. Пока любимый муж и два наших собачьих чуда мирно сопели в унисон, раскинувшись на кровати.

Почему опять вернулась тревога? Совершенно не помнила, что снилось. Тревога не унималась. Залезла в душ. Постепенно становилось легче. Горячие струи воды окончательно смыли остатки паники. Тело успокаивалось и расслаблялось. Было хорошо.

За исключением того факта, что я опаздывала на ненавистную работу. Снова совершила ошибку. Не исключено, что роковую. Наверное. Ведь что-то подсказывало, что увольнение должно было стать последним. Что надо найти в себе силы и довериться тем, кто, как я надеялась, слышит мой зов. Но сил не нашлось. Не доверилась. И теперь трепала бедные свои нервы лихорадочными сборами в очередную идиотскую контору. Где души выхолащивали

с такой же лёгкостью, с какой вечерами опорожняли желудки от офисных обедов в дешёвых судках из супермаркетов.

Наскоро высушила волосы феном. Быстро оделась. Бегом вывела собак. Даже приготовить ничего не успела. Вечно опаздывала в эти чёртовы офисы. Во сколько бы ни встала. Всё во мне бунтовало против тюрем, называемых компаниями, фирмами, офисами, кабинетами. Но я снова боялась остаться без денег. Страх опять загонял в коробки, где был дефицит свежего воздуха и переизбыток несчастных, полагающих, что это и есть жизнь.

С грустью посмотрела на спящего мужа. Пообещала тётке Фиате, весело помахивающей хвостом, что это ненадолго. Поцеловала Жулика. Кинулась, сломя голову, в новую тюрьму – на новую работу. Это было ошибкой. Глобальной. Я это понимала. И всё же, ноги снова несли меня туда, где свобода отнималась за жалкие пятнадцать тысяч рублей ежемесячно, минус налоги.

Где мой остров спокойствия? И тот поезд, который умчит вдаль, успокаивая проплывающими мимо пейзажами.

ВОРОНКА ПРОДАЖ

– Ребят, все слышали про воронку продаж?

Ребята переглянулись. Продолжая сидеть с виноватыми и послушными лицами.

– Не поняла. Меня не слышно что ли?

Директор отдела продаж Алефтина Сухина похожа была на пересушенную воблу. Глаза так же безжизненно смотрели из-под толстых стёкол очков, как у тех из рыб, которые сохли на верёвке в маленьком пивном магазинчике на рынке.

– Ясно. У меня вот такой вопрос – вы на работу вообще зачем ходите? – И обвела всех презрительным карающим взглядом. – Кто-нибудь собирается продавать?

Что нам было ей ответить? Чтобы катилась колбаской по Малой Спасской? Нет. Конечно, так мы ответить не могли. Но очень хотели. Все мы были равны. И только статус начальницы отличал её от обыкновенных нас. Вывалить бы её хорошенько в навозе, на дачном поле. Чтобы пришла в себя. Но зарплата была нужна. Очень.

Каждый из нас с грустью смотрел в сторону больших давно немых окон-витрин. За которыми сидели и мечтали, кто о чём. О пляже с дурманящим запахом речной воды и свежего ветра. О магазинах и чтобы карта с неограниченным балансом. О далёких островах. О доме, где вкусно пахнет выпечкой. Мне чудился запах осеннего костра. Все мы мечтали. Каждый о своём. О чём угодно – только не о продажах.

Конечно же, пересушенную воблу с равнодушными белёсыми глазами, не трогали чаяния коллектива. Сама она могла в любой момент смыться. Причём на корпоративном такси, в компании с подругой – «маркетологом-главным редактором-журналистом».

Эта девушка-оркестр оркестром вовсе не была. А была из тех, кто с большим и плохо скрываемым удовольствием сливает свою работу на других. Лицо похоже на блин. На который кто-то неосторожно уронил две маленькие изюминки, служившие глазами. На слишком большом овале теснились также небольшой нос и ниточка поджатых тонких злых губ. Портрет довершала пышная копна чёрных кудрявых волос. При почти полном отсутствии ресниц, глаза казались ещё меньше, чем они были на самом деле. В целом создавалось ощущение, будто носительницу этого овала только что хорошенько долбануло током. При всей несуразности лица, Василиса, Вася, так её звали, имела невысокий рост, тонкую плоскую фигуру и страсть к элегантным нарядам. Муж у неё в основном отсутствовал. Приезжал дважды в год. Такая работа. От этого наряды у Васи становились всё призывней, походка более вихляющей, речи язвительными.

Но настоящего яду ей пришлось испытать, когда в офисе появилась я.

На работе мы продавали воздух – рекламу. В рекламных блоках между песнями. Отслеживать конкурентов вроде как входило в наши обязанности. Мало нам отравы на своих двух радиостанциях, мы были вынуждены слушать другие.

Когда зазвучала очередная отрывка очередного же одноклеточного рэппера, я разразилась красочными эпитетами. Вася жадно ловила каждое слово, потому что не переваривала меня на дух. И побаивалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.